Н. П. ГРИНЦЕР

Гринцер Николай Павлович
доктор филологических наук
директор, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Тел.: + 7 (499) 956-96-47
E-mail: grintser@mail.ru

Политический смысл «Эдипа-царя»: нужен ли ответ на вечный вопрос?

Аннотация. В статье разбираются существующие политические интерпретации трагедии Софокла «Эдип-царь», согласно которым главный герой трагедии трактуется либо как своего рода олицетворение Афин (Б. Нокс), либо как образ, отсылающий к конкретному историческому лицу — Периклу (В. Эренберг). С подобной трактовкой связана и традиционная датировка трагедии 420-и годами до н. э. Демонстрируя ряд возникающих при этом проблем — как исторического, так и чисто литературного свойства, автор склонен согласиться с выдвинутой относительно недавно гипотезой М. Викерса, усматривающего в софокловском Эдипе черты, роднящие его с другим важным политическим деятелем Афин — Алкивиадом, и приводит в пользу данной трактовки дополнительные аргументы (в частности, вытекающие из анализа псевдоплатоновского диалога «Алкивиад II»). Правда, в отличие от Викерса, автор статьи полагает, что при таком понимании правильнее датировать трагедию второй половиной 410-х годов до н. э. и усматривать в ней аллюзии на знаменитый процесс об осквернении герм и на бегство Алкивиада из Афин, во время которого Алкивиад провел некоторое время в Фивах. Подобная интерпретация, возможно, и не углубляет наше восприятие вневременного смысла великой трагедии Софокла, но может уточнить то, как могли ее воспринимать — и оценивать — зрители в афинском театре.

Ключевые слова: трагедия, Афины, Софокл, Эдип, Перикл, Алкивиад, литература и политика

В последнее время политическая интерпретация греческой трагедии переживает своего рода возрождение как в отечественной, так и в зарубежной науке. Только за последний десяток лет на Западе вышло сразу несколько монографий[1], посвященных этой проблеме, и общее мнение как

[1] См. например: [Carter 2007; 2011; Ahrensdorf 2009]. Во многом этот «политический поворот» был подготовлен получившей большой резонанс книгой [Euben 1986].

© Н. П. ГРИНЦЕР

нельзя лучше выразил рецензент одной из них: «Теперь уже не вызывает возражений сама идея того, что в трагедии есть политика и что понимание социального и культурного контекста трагедии является ключевым для ее интерпретации» [Gottesman 2012].

Действительно, количество политических прочтений различных текстов античной драмы в последнее время очевидно увеличилось — причем речь идет не столько о «лобовых» интерпретациях, напрямую соотносящих отдельных персонажей и отдельные пассажи конкретных текстов с определенными историческими лицами и событиями (такого рода аллюзии в принципе интересны и важны, но являются в большей степени деталью историко-культурного комментария, и только в меньшей — существенным инструментом литературоведческой интерпретации), сколько о новых и оригинальных попытках дать целостную трактовку текстов в зависимости от их политической подоплеки[2]. Интересно при этом (хотя во многом и ожидаемо), что подобные новые интерпретации скорее касаются трагедий, так сказать, второго ряда, традиционно критикуемых за отсутствие художественного единства, иными словами, тех, где чисто литературоведческого инструментария для целостной интерпретации оказалось недостаточно. И здесь, собственно, возникает вопрос, который вынесен в заглавие данной статьи: а может ли политическое прочтение трагедии дать целостную и оригинальную интерпретацию тех произведений, которые и так заслуженно считаются шедеврами античной и мировой словесности?

«Эдип-царь» еще со времен «Поэтики» Аристотеля» является по сути эталоном греческой трагедии, и количество ее интерпретаций неизмеримо велико[3]. Споры о том, виновен Эдип или нет, в чем состоит его преступление или трагическая «ошибка», ведутся бесконечно; в зависимости от ответов на эти вопросы Д. Хестер в своей уже 40-летней давности статье «Эдип и Иона» поделил исследователей аж на четыре «основные» и три «вспомогательные» группы [Hester 1977][4]. Если кратко суммировать некий общий знаменатель разнообразных трактовок, то трагедия в целом и фигура ее главного героя предстает как практически идеальное воплощение того, что У. Стэнфорд называл «трагической двусмысленностью», или амбивалентностью [Stanford 1939: 163–173]. В «Эдипе-царе» эта амбивалентность прослеживается на всех уровнях текста: от ключевых тем, прежде всего «знания/неведения» и параллельной ей оппозиции «зрения/слепоты», до соответствующей лексики[5].

[2] В отечественной науке см. прежде всего ряд работ Б. М. Никольского, например, [Никольский 2014; 2016].

[3] Интересно при этом, что даже рьяные поборники политической трактовки древнегреческой трагедии именно в случае с «Эдипом» оказываются достаточно осторожны. Например, Дж. Баджер сразу же после решительного утверждения: «Трагическая поэзия классических Афин практически целиком развертывается в сфере политики», — немедленно оговаривается: «Несмотря на то что в "Эдипе-царе" действие происходит в царском дворце, а его персонажи — члены царской семьи, и главный герой — царь, тем не менее эта пьеса отнюдь не целиком посвящена политике. "Эдип-царь" скорее сконцентрирован на внутреннем трагическом переживании» [Badger 2013: 19].

[4] См. также подробнейший обзор мнений в 500-страничной книге [Lurje 2004]. Наш взгляд на проблему «вины» Эдипа изложен в [Гринцер 2010].

[5] О двусмысленности в целом как ключевом приеме в «Эдипе-царе» см., например, классическую статью [Vernant 1978]. О лексической амбивалентности в трагедии см., например: [Goldhill 1986: 221–231; Budelmann 2000: 55–57].

Именно эта по-разному трактуемая «двусторонность» лежит в основе всех авторитетных трактовок трагедии Софокла и эдипова мифа в целом, от фрейдистской[6] до структуралистской[7]. В конечном счете, именно поэтому ее так высоко ставил еще Аристотель, предвосхищая научную «амбивалентность» современной эпохи в знаменитой фразе о том, что, читая «Царя Эдипа», каждый одновременно испытывает чувства сострадания и страха, т. е. и сочувствует герою, и ужасается содеянному им (Поэтика 1453b5–7).

По сути, отправной точкой политической интерпретации великой трагедии становится все та же идея «двусмысленности», действительно, организующая всё действие драмы. Для одного из самых блестящих интерпретаторов трагедии Бернарда Нокса эта пьеса — «трагическое предвидение блеска, мощи и неизбежного падения Афин — падения, которое не предполагает никакой возможности его избежать, ибо его неотвратимость заложена в самом их величии ‹…› Смотря на Эдипа в театре Диониса, афиняне видели самих себя» [Knox 1957: 77]. В этом своем понимании (Эдип — и трагедия, и герой — равен Афинам) Нокс отчасти спорит с не менее авторитетной интерпретацией трагедии Виктором Эренбергом, для которого Эдип Софокла воплощает собой не афинскую демократию в целом, но ее конкретного лидера — Перикла: «Мы можем прийти к выводу, что драматический образ Эдипа, человека и царя, основан на истории Перикла, его великой славы, падения и смерти» [Ehrenberg 1954: 149]. Именно эти два взгляда во многом задали тон всем последующим трактовкам трагедии и остаются центральными для политического прочтения этого текста. Характерно при этом, что само название пьесы «Oedipus Tyrannus» также связывается именно с таким прочтением. Те, кто склонны отождествлять Эдипа с Периклом, вспоминают в связи с этим слова Фукидида о Перикловых Афинах: «По имени это была демократия, на деле власть принадлежала первому гражданину» (2.65.9)[8]. В свою очередь, те, кто следует за Ноксом в его сопоставлении главного героя с Афинами как таковыми, ссылаются на того же Фукидида, в труде которого афинская власть над союзниками нередко сравнивается с тираннией (2.63.2, 3.37.2)[9].

[6] Очередную фрейдистскую трактовку, основанную на идее двусмысленности, см., например, в статье [Carel 2006], где предпринимается попытка доказать, что подсознательно Эдип знал, что́ он совершил.

[7] Здесь прежде всего показательны работы Ч. Сигала (например: [Segal 2001]), который опять-таки прослеживает этот принцип на всех уровнях драмы, с особенным вниманием к его языковому воплощению: «Софокл демонстрирует, как двусмысленность языка неизбежно подразумевает и двусмысленность в идентификации собственной личности. Язык и родственные связи выступают в драме как параллельные способы нахождения своего места в мире, а значит, и параллельные способы понимания, кто ты такой. Чтобы понять, кто мы есть на самом деле, мы должны понять тот язык, с помощью которого мы создаем сами себя» [Segal 1995: 141].

[8] По мнению Эренберга, Софокл был критически настроен по отношению к Периклу, отсюда и наименование в трагедии Эдипа «тиранном» — словом, которое должно было вызывать в демократических Афинах сугубо отрицательные коннотации. Ср. одобрение точки зрения Эренберга, например, в [Суриков 1997: 34]. Впрочем, уже давно было замечено, что в софокловском корпусе τύραννος — слово скорее нейтральное, аналогичное βασιλεύς ‘царь’ [Ellendt 1986: 118, 747]. Соответственно, отождествление Эдипа с Периклом может трактоваться и как положительная оценка последнего, см., например: [Tracy 2009: 119–127].

[9] Заметим, что опять-таки это соотнесение может восприниматься как отрицательно, так и положительно. С одной стороны, Плутарх сообщает, что подобные ассоциации (явно неприятные) политика Афин вызывала у всей остальной Греции (Перикл 12); точно так же

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство: политическая трактовка трагедии является во многом вторичной по отношению к самому ее тексту, к образной и идейной структуре, своего рода приложением и иллюстрацией к ней. Она скорее призвана решать некоторые экстралитературные проблемы: например, многократно обсуждавшийся вопрос о датировке постановки трагедии. Соотнесение с Периклом становится одним из главных оснований для ныне общепринятой датировки «Эдипа-царя» первой половиной 420-х годов до н. э. Еще одним сильным аргументом в пользу такого решения становится картина, которой открывается трагедия: в Фивах царит мор, который оказывается наказанием богов за убийство Лая. Этот мор (именуемый в тексте νόσος или λοιμός) в подавляющем большинстве комментариев напрямую сравнивается с чумой, опустошавшей Афины в начале 20-х, жертвой которой стал в том числе и Перикл в 429 г. до н. э. В трагедии Эдип, стремясь избавить город от напасти, клянется разыскать убийцу и, выполняя свою клятву, в известной мере также становится жертвой насланного богами мора[10].

Подобные аргументы позволяли отнести первую постановку «Эдипа-царя» к 428–427 гг. до н. э., т. е. ко времени сразу после чумы и смерти Перикла. Впрочем, такая датировка вызывала и некоторые возражения — прежде всего сомнению подвергалась возможность столь непосредственного соотнесения с совсем недавними и чрезвычайно болезненными для города событиями, что вообще-то не очень приветствовалось (достаточно вспомнить историю со «Взятием Милета» Фриниха)[11]. Отчасти поэтому, а также отталкиваясь от текста трагедии, Б. Нокс предложил чуть сдвинуть дату постановки к 426–425 гг. до н. э. Прежде всего он основывался на описании мора в песне хора, где, во-первых, говорится о том, что боги уже однажды «отвели пламя беды» от города (164–166), а во-вторых, эта напасть последовательно описывается именно

у Фукидида (1.122) противники Афин видят в них угрозу монархии и тираннии над всей Элладой. С другой стороны, Перикл у того же Фукидида (2.63) сам уподобляет владычество Афин тираннии, «добиваться которой, может, и покажется кому-то несправедливым, но потерять которую уж точно опасно» (ὡς τυραννίδα γὰρ ἤδη ἔχετε αὐτήν, ἣν λαβεῖν μὲν ἄδικον δοκεῖ εἶναι, ἀφεῖναι δὲ ἐπικίνδυνον); точно такую же характеристику дает власти Афин еще один лидер города, Клеон (3.37). Тем самым становится похоже, что оценка своего положения среди союзников как «единоличной власти» в Афинах вовсе не обязательно воспринималась негативно: на это, в частности, в подтверждение своей гипотезы указывал еще Б. Нокс [Knox 1954]. Подробный разбор этого мотива в трагедии (с подчеркиванием все той же идеи амбивалентности — в том числе путем сравнения «афинской» и «общегреческой» концепции тираннии) см. в [Edmunds 2002].

[10] Такая интерпретация может отчасти служить ответом на недоумения некоторых исследователей, полагавших, что как раз смерть Перикла от чумы плохо согласуется с отождествлением образа Эдипа и его судьбы, и на этом основании либо отвергавших концепцию Эренберга [Osborne 2012: 275], либо ратовавших за иную, более раннюю датировку пьесы [Ahl 2008: 10].

[11] Соответственно, некоторые исследователи вообще полагают всякую связь между «мором» в «Эдипе-царе» и эпидемией чумы в Афинах иллюзорной [Podlecki 1998: 123], в том числе потому, что подобные прямые аллюзии кажутся нехарактерными для трагедии как жанра [Taplin 1986: 167]. Интересно, что их противники, полагающие, что Софокл имел в виду именно афинскую чуму и об этом, в частности, свидетельствует, например, чрезвычайно разработанная в трагедии «лексика болезни», признают, что, возможно, именно изображение постигшей город напасти стало причиной поражения «Эдипа-царя», занявшего лишь второе место на состязаниях, и ссылаются при этом на все тот же «фриниховский прецедент» [Mitchell-Boyask 2008: 65].

как пламя, жара (ср. φλέγει, 192), уничтожающая, кроме прочего, еще и посевы (171–172). По мнению Нокса, это указывало скорее на второй всплеск чумы зимой 427–426 гг. и на последовавшее за этим невероятно жаркое и засушливое лето 426 г. [Knox 1956: 133–147][12].

Кроме того, аргументом для подобной датировки являлись и возможные лексические аллюзии на «Эдипа-царя» в других текстах античной драмы. В частности, те, кто ратовал за более раннюю датировку трагедии, обнаруживали возможные отсылки к тексту Софокла в еврипидовском «Ипполите», поставленном в 428 г., а сам Нокс подкреплял свою датировку аллюзиями к Софоклу в аристофановских «Всадниках», датируемых 424 г. Однако даже при беглом просмотре предлагаемых параллелей можно убедиться, что речь здесь идет совсем не о прямых цитатах, а о некотором сходстве мотивов и лексики, которое может объясняться общими тематическими и даже лексическими драматическими клише. Для наглядности приведу пару примеров.

Так, Р. Ньютон [Newton 1980: 11] подробно сопоставляет агоны Креонта и Эдипа, с одной стороны, и Ипполита с Тезеем, с другой, дабы, в частности, продемонстрировать, что Еврипид, имея в виду софокловский «прототип», намекал на возможность оправдания Ипполита (по аналогии с Креонтом). Однако параллели типа «Твои слова поражают меня, настолько они выходят за пределы разума» (σοὶ γὰρ ἐκπλήσσουσί μελόγοι παραλλάσσοντες ἔξεδροι φρενῶντ — Ипполит об обвинениях Тезея, 934–935) и «Неужто ты бросаешь мне эти обвинения в здравом рассудке и с незамутненным взглядом?» (ἐξ ὀμμάτων δ᾽ ὀρθῶν τε κἀξ ὀρθῆς φρενὸς κατηγορεῖτο τοὐπίκλημα τοῦτό μου — Креонт в споре с Эдипом, 528–529) вряд ли можно счесть чем-то бóльшим, нежели никак прямо не связанными друг с другом вариациями на тему «Ты в своем уме?!». Точно так же с очень большим трудом можно считать обращенные, соответственно, Эдипом у Софокла и Клеоном во «Всадниках» Аристофана к их противникам фразы «Тебе (вам) это с рук не сойдет!» (ἀλλ᾽ οὔ τι χαίρων δίς γε πημονὰς ἐρεῖς — Эд. 363; οὔτοι μὰ τοὺς δώδεκα θεοὺς χαιρήσετον — Вс. 235) или «Пошел вон!» (οὔκουν μ᾽ ἐάσεις κἀκτὸς εἶ; — Эд. 676; οὐκ αὖ μ᾽ ἐάσεις — Вс. 338) не просто расхожими выражениями, а литературной аллюзией комедиографа на известную трагедию (как это предлагает Нокс [Knox 1956: 145])[13].

Основывать датировку трагедии на таких весьма спорных параллелях кажется делом весьма сомнительным, хотя подобные попытки продолжают предприниматься. В частности, в своем издании «Эдипа-царя» Б. Манувальд полагает 425 г. terminus ante quem, прежде которого должна была быть поставлена трагедия Софокла, и в доказательство ссылается на то, что он считает пародийным обыгрыванием вопля Эдипа ὦ πόλις πόλις (629) в «Ахарнянах» Аристофана 27 (которые были поставлены как раз в 425 г.) [Manuwald 2012: 6][14]. Однако и здесь речь идет отнюдь не о ярко маркированном выражении;

[12] Впрочем, как показывает в своей статье в настоящем номере Р. Бруццоне, ассоциация чумы с огнем — достаточно распространенный топос архаической и классической греческой литературы.

[13] Вряд ли можно счесть более убедительными и прочие предлагаемые им параллели: например, тот факт, что и Клеон, и Эдип именуют своих оппонентов «глупцами» (μῶρος — Эд. 433, 540; Вс. 350).

[14] Надо сказать, что в своих рассуждениях о датировке трагедии Манувальд полностью следует точке зрения К. Мюллера, относившего время постановки к 436–433 гг. [Müller 1984].

и даже если считать его принадлежностью трагического жанра, то, по справедливому замечанию П. Фингласса, «мы располагаем лишь малой толикой трагедий, известных Аристофану, и эта ничем не примечательная фраза вполне могла встречаться и в еще какой-нибудь не дошедшей до нас пьесе» [Finglass 2013].

Не вдаваясь далее в детальное обсуждение тонкостей аргументации, стоит задаться вопросом: что собственно дает датировка 429–425 гг. до н. э. для интерпретации самого текста и смысла трагедии? Как кажется, не так много; более того, реконструируемый политический контекст предполагает некоторые достаточно спорные презумпции. Если вслед за Ноксом утверждать, что трагедия говорит об Афинах вообще, то картину «падшего величия» следует расценивать как некое мрачное пророчество, для которого в это время вряд ли можно найти существенные основания: афинская «тиранния» еще достаточно сильна. Не случайно сам Нокс называет картину, возникающую как итог его трактовки, «трагическим предвидением» (tragic vision). Второе важное обстоятельство заключается в том, что подобная интерпретация предполагает полное отождествление Афин с Фивами, где происходит действие драмы, — с Фивами, которые традиционно являлись одним из главных и заклятых врагов Афин и до, и во время Пелопоннесской войны. Такое непосредственное отождествление вряд ли было естественным и приемлемым для афинской аудитории. Впрочем, может быть, именно этим объясняется беспокоящий многих комментаторов факт: ведь великая трагедия Софокла, как сообщают нам античные источники, уступила на состязаниях первенство[15].

Если идти дальше и отождествлять Эдипа не просто с Афинами, но с Периклом, то к уже высказанным сомнениям прибавляются другие. Если трагедия Эдипа должна будить в памяти смерть и/или кризис политической карьеры Перикла в конце 430-х годов, то как следует интерпретировать политический message, заложенный Софоклом в его драме? Как простую отсылку к случившемуся — и тогда следует предположить, что правы те, кто полагают софокловского Эдипа виновным в «гордыне»? Такое понимание, как кажется, чрезвычайно обедняет наше восприятие трагедии. Или как сожаление или сомнение в правильности отношения афинян к Периклу в последние годы его жизни? Такая трактовка представляется более тонкой — но в любом случае речь идет об уже случившемся, которого не исправить, т. е. в лучшем случае о некотором предупреждении на будущее.

Как кажется, именно этими сомнениями была продиктована одна из недавних попыток пересмотреть традиционную политическую интерпретацию трагедии. Я имею в виду ряд работ и прежде всего книгу Мартина Викерса, который, в целом принимая аргументы Нокса, предлагает изменить «объект» политических аллюзий и видеть в образе Эдипа параллель не столько к Периклу, сколько к другой видной политической фигуре — Алкивиаду[16]. Одним из аргументов для Викерса становится мотив сексуальной распущенности: применительно к историческому Периклу подобные обвинения если и возникали, то исключительно в связи с Аспасией, а вот про Алкивиада говорили, что «он

[15] Этот факт по-прежнему не перестает поражать комментаторов, которые склонны списывать его либо на некомпетентность судей, либо на огрехи самой системы голосования на драматических состязаниях [Liapis 2012: 85]. Ср. выше прим. 11.

[16] См. в первую очередь: [Vickers 2014: 34–46].

делил ложе со своей матерью, сестрой и дочерью» (Антисфен, фр. 29a Caizzi), причем, по мнению Викерса, под «матерью» здесь также может подразумеваться Аспасия[17] как «супруга» приемного отца Алкивиада Перикла.

Стремясь подкрепить свою точку зрения, Викерс (а надо сказать, что он стремится искать аллюзии на Алкивиада в немалом количестве текстов классической драмы, как трагедии, так и комедии) приводит немало достаточно спорных соображений (в частности, сопоставляя хромоту Эдипа со странной походкой Алкивиада, о которой упоминает в его биографии Плутарх — Алкивиад 1.8). При этом удивительным образом он игнорирует текст, в котором сравнение Эдипа с Алкивиадом является одним из лейтмотивов. Я имею в виду псевдоплатоновский «Алкивиад II», в начале которого Сократ в разговоре с Алкивиадом прямо приводит проклятие Эдипом своих сыновей в качестве примера неразумной молитвы богам. Разумеется, это проклятие не связано с сюжетом «Эдипа-царя», и комментаторы диалога отсылают к «Эдипу в Колоне» Софокла и «Финикиянкам» Еврипида[18]. Однако далее весь диалог посвящен противопоставлению «мудрости» «неразумию» (φρόνησις/ἀφροσύνη) — теме, очевидным образом организующей всю структуру «Эдипа-царя». Интересно при этом, что собеседник Сократа Алкивиад уравнивает «глупость» и «безумие», или «одержимость» (μανία). Замечательно, что столкновение этих двух тем и соответствующих им глагольных корней (второй из которых там подразумевает «одержимое» знание пророка) пронизывает знаменитый агон Эдипа и Тиресия, когда Эдип попрекает Тиресия тем, что загадку Сфинкса разгадал он, Эдип, совершенно не сведущий в мантическом искусстве (393–398):

> Καίτοι τό γ' αἴνιγμ' οὐχὶ τοὐπιόντος ἦν
> ἀνδρὸς διειπεῖν, ἀλλὰ μαντείας ἔδει·
> ἣν οὔτ' ἀπ' οἰωνῶν σὺ προὐφάνης ἔχων
> οὔτ' ἐκ θεῶν του γνωτόν· ἀλλ' ἐγὼ μολών,
> ὁ μηδὲν εἰδὼς Οἰδίπους, ἔπαυσά νιν,
> γνώμῃ κυρήσας οὐδ' ἀπ' οἰωνῶν μαθών, —

а в финале пророк, в свою очередь, бросает Эдипу угрозу: «Если обнаружишь, что я ошибся, что ж, говори, что я в своих пророчествах ничего не ведаю» (κἂν λάβῃς μ' ἐψευσμένον, φάσκειν ἔμ' ἤδη μαντικῇ μηδὲν φρονεῖν[19] — 461–462).

Интересно и то, что в псевдоплатоновском диалоге аналогом «глупости» выступает «болезнь» (νόσος), причем наиболее развернутой параллелью становится «болезнь зрения» (ὀφθαλμία) — что тоже заставляет вспомнить о дихотомии зрения/знания в «Эдипе-царе». Наконец, несколько раз упоминая Эдипа по ходу диалога, Сократ в качестве гипотетического выбора предлагает Алкивиаду следующую ситуацию: бог предрекает тому власть над Афина-

[17] О возможной связи образа Иокасты с Аспасией писали и другие исследователи, в частности, например, такой знаток греческой литературы, как С. Уитмен [Whitman 1951: 135].

[18] См., например: [Johnson 2003: 59].

[19] О противопоставлении рационального знания Эдипа иррациональной мудрости Тиресия и божественных оракулов как центральной теме трагедии см., например: [Peradotto 1992; Segal 1995: 138–150; Ahrensdorf 2009: 9–47].

ми (τύραννον γενέσθαι τῆς Ἀθηναίων πόλεως), Грецией и даже всем миром[20]. Однако для того чтобы этой власти достичь, Алкивиаду может прийти в голову убить своего опекуна Перикла. И вот, придя к нему в дом и желая убить Перикла и никого другого, он не может его узнать и потому не убивает; так происходит несколько раз, и это спасает Алкивиада от нечестивого деяния. «Не является ли это свидетельством тому, что некоторые вещи лучше не знать, чем знать?» (Ὁρᾷς οὖν ὅτι ἡ ἔστιν ὧν τε ἄγνοια καὶ ἔστιν οἷς καὶ ἔχουσί πως ἀγαθόν, ἀλλ᾽ οὐ κακόν, ὥσπερ ἄρτι σοι ἐδόκει; — 144c9–10). В качестве мифологического аналога Сократ приводит пример Ореста («он бы не убил свою мать, если бы не узнал ее»), однако в контексте «эдипова мифа», обрамляющего диалог (в конце которого, как и в начале, тоже следует ссылка на «Финикиянок»), более очевидной параллелью предстает убийство Эдипом своего отца, парадоксальным образом выворачиваемое наизнанку: Эдип по незнанию убил своего отца Лая и обрел власть; Алкивиад, стремясь к власти, своего названного отца Перикла по незнанию не убивает.

Когда бы и кем бы ни был написан «Алкивиад II» (а он обычно датируется концом IV — началом III в. до н. э.)[21], как кажется, в подтексте его аргументации (которая без понимания этого подтекста выглядит откровенно неуклюжей) прослеживается последовательное сопоставление Алкивиада с Эдипом, причем с очевидными аллюзиями на мотивную и образную структуру «Эдипа-царя»[22]. Можно предположить, что ко времени написания этого диалога такие ассоциации имели определенную традицию и потому были уместны и узнаваемы.

Как кажется, подобная — пусть и отстоящая по времени параллель — способна подкрепить идеи Викерса. Преимущество его гипотезы по сравнению с отождествлением Эдипа и Перикла состоит в том, что «Эдип-царь» в таком случае говорит не о прошлом — в отличие от Перикла, Алкивиад в 420-е годы жив и здравствует. Правда, в это время он еще не настолько значим политически. Осознавая это, Викерс особенно подчеркивает ключевой характер знаменитой фразы хора из второго стасима «Эдипа-царя»: «Гордыня вскармливает тирана» (Ὕβρις φυτεύει τύραννον — 873). По его мнению, этот противоречивый тезис (некоторые издатели предлагают здесь менять рукописное чтение[23])

[20] В контексте нашего сопоставления данного текста с трагедией Софокла весьма показательно, что власть, к которой стремится Алкивиад, многократно обозначается в диалоге как τυραννίς.

[21] См. обсуждение датировки, например, в [Renault, Tarrant 2015: 103–104].

[22] О месте фигуры Эдипа в диалоге см. подробно в [Howland 1990: 71–75], причем в данной статье особо прослеживается политический смысл этого образа, связанного с темой изгнания из родного города (с Алкивиадом это случится в действительности, а Сократ, по мнению автора статьи, по сути, был одиноким изгнанником, живя в Афинах). Поэтому Д. Хоулэнд скорее склонен усматривать связь с трагическом образом Эдипа в «Эдипе в Колоне». См. также: [Helfer 2017: 104–109], однако в данной работе речь идет исключительно о «трагическом Эдипе» вообще, без привязки к конкретному произведению. В контексте нашего наблюдения о «выворачивании наизнанку» Сократом в диалоге мотива убийства Эдипом своего отца показательным кажется следующее общее утверждение А. Хелфера: «Возможно, мы можем пойти дальше и утверждать, что в своем осуждении ошибки Эдипа Сократ оказывается скорее на стороне комедии, нежели трагедии» [Ibid.: 105]. О «трагической атмосфере» диалога см. также: [Sharpe 2012: 136–139].

[23] Основываясь на традиционной образности греческой поэзии (где, напротив, «гордыня», или букв. «чрезмерность», ὕβρις, «вскармливается корыстью», κόρος — Солон, фр. 6.3), такой знаток Софокла, как Р. Уиннингтон-Ингрэм, полагал подобное утверждение

объясняется как раз тем, что в это время Алкивиад еще юн, но его юношеская заносчивость и безудержность позволяют предположить в нем будущего тирана (как в греческом, так и современном смысле этого слова). Соответственно, «Эдип-царь», опять-таки оборачивается пророческим прозрением: «Софокл с поразительной прозорливостью предсказал то, что произойдет примерно лет через десять» [Vickers 2014: 41].

Действительно, именно в это время обвинения Алкивиада в стремлении к тираннии становятся общим местом в афинском политическом дискурсе, что хорошо засвидетельствовано у Фукидида (6.15): «Народ опасался его крайне распущенного образа жизни и далеко идущих целей, которые можно было усматривать в его поступках. Думали, что Алкивиад стремится к тирании, и поэтому народ был раздражен против него...»[24]. Прежде всего это связано с хорошо известным эпизодом с осквернением герм и профанацией мистерий в 415 г. до н. э. — преступлением, произошедшим прямо перед началом Сицилийской экспедиции и в итоге приведшим к бегству Алкивиада из-под суда и его изгнанию (Фукидид 6.27–32, Плутарх. Алкивиад 18–23)[25]. Надо заметить в связи с этим, что во все в том же ключевом для трагедии втором стасиме «Эдипа-царя» еще Р. Джебб усматривал возможную аллюзию на это происшествие в 883–887:

> Εἰ δέ τις ὑπέροπτα χερ-
> σὶν ἢ λόγῳ πορεύεται,
> Δίκας ἀφόβητος οὐδὲ
> δαιμόνων ἕδη σέβων,
> κακά νιν ἕλοιτο μοῖρα, —

осторожно предполагая в том числе, что под человеком, «чрезмерно заносящимся в деле и слове, не страшащимся Справедливости и не чтящим изображения богов», может иметься в виду именно Алкивиад [Jebb 1885: 97].

Если предположить, что события 415 г. могут быть релевантными для аудитории «Эдипа-царя», то нельзя не признать сходства с ними даже не столько в образах, сколько в центральной теме трагедии — теме расследования собы-

---

«поразительно неверным обобщением» [Winnington-Ingram 1980: 189] и, соответственно, принимал, как и [Dawe 1982: 182], конъектуру Ф. Блейдса Ὕβριν φυτεύει τυραννίς «Гордыню вскармливает тиранния». См. также обсуждение текстологических проблем в [Lloyd-Jones, Wilson 1990: 100]. Ср., однако, защиту традиционного рукописного чтения в [Bollack 1990: 552–557] и его обоснование в рамках общей трактовки второго стасима, например, в [Scodel 1982: 216–219; Brandenburg 2005: 33–35]. Правда, эти два исследователя придерживаются прямо противоположного понимания: Р. Сходел полагает, что хор осуждает Эдипа, а Ф. Бранденбург, напротив, — что поддерживает. Надо заметить, что интерпретация этой строки, как и песни хора в целом, во многом зависит о того, какое значение, положительное, нейтральное или отрицательное, приписывать термину τύραννος (см. выше прим. 8).

[24] Пер. Г. А. Стратановского.

[25] Эта история и роль в ней Алкивиада, естественно, многократно обсуждалась в научной литературе. См. подробное и обстоятельное изложение в [Furley 1996] и недавнюю весьма содержательную, хотя и адресованную достаточно широкой аудитории книгу [Hamel 2012]. В первой из них вина Алкивиада (по крайней мере в том, что касается профанации мистерий) считается практически доказанной, во второй — достаточно сомнительной.

тия, которое стало причиной гнева богов, обрушившегося на город и прежде всего на его лидера. Здесь уместно сослаться на чрезвычайно скрупулезную работу Р. Льюиса, в которой происходящее в «Эдипе-царе» сравнивается с различными процедурами уголовного расследования в классических Афинах [Lewis 1989]. Ее автор приходит в конце концов к выводу, что наиболее близким аналогом оказывается процедура так называемого ζήτησις — публичного расследования, в описании которого он опирается практически исключительно на свидетельства Фукидида и Андокида касательно того, как происходило следствие по делу об осквернении герм. При этом Льюис обнаруживает множество параллелей на чисто лексическом уровне. Приведу только один пример. Подобное расследование завершалось арестом (ἀπαγωγή), причем в случае признания виновного наказание могло быть вынесено без формального судебного процесса. Именно так и происходит в трагедии — причем сам Эдип постоянно призывает «увести» виновного: Ἀπάγετ' ἐκτόπιον ὅτι τάχιστά με, / ἀπάγετ', ὦ φίλοι, τὸν ὄλεθρον μέγαν (1340–1341), Ἄπαγέ νύν μ' ἐντεῦθεν ἤδη (1521).

Льюис не делает на основании своего сравнения никаких выводов относительно датировки пьесы; для него «дело о гермах» — всего лишь исторический материал для реконструкции юридического контекста происходящего на сцене. Но в рамках наших рассуждений подобные параллели могут свидетельствовать и о сознательности подобных аллюзий у Софокла.

В пользу возможности датировать «Эдипа-царя» временем сразу после расследования «дела о гермах» можно привести еще одно гипотетическое соображение. Я уже говорил о том, что прямое отождествление Фив с Афинами (необходимое в случае, если видеть в софокловском Эдипе ипостась Перикла или Алкивиада в 420-е годы до н. э.) вряд ли могло положительно восприниматься афинской аудиторией. Однако после 415 г. Алкивиад уже не в Афинах; как известно, он отплыл на Сицилию, так и не сняв с себя обвинения, а когда он был вызван в суд уже из похода, то бежал. И здесь я хотел бы обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Дальнейшие скитания Алкивиада описываются разными авторами по-разному. Фукидид сообщает (6.61), что из Фурий, где Алкивиад сбежал от посланного за ним конвоя, он направился в Пелопоннес. Исократ, а затем и Плутарх уточняют, что сначала он отправился в Аргос, а затем в Спарту (Плутарх. Алкивиад 23). А вот Корнелий Непот в своей биографии Алкивиада (4–5) рисует несколько иной маршрут: Элида — Фивы — Спарта. Можно, конечно, усомниться, что римский автор прав, сообщая, что беглец какое-то время провел в Фивах, однако история о том, что Алкивиад там был, присутствует не только у него. Об этом со ссылкой на историка III в. до н. э. Сатира сообщает Афиней (12.534b), а также Элиан в «Пестрых историях» (4.15). В качестве возможного первоисточника такой информации ученые называли историка IV в. до н. э. Феопомпа (см, например: [Brunt 1952: 94; Verdegem 2010: 272]). В таком случае аллюзии на Алкивиада в «Эдипе-царе» приобретают еще дополнительный оттенок: речь идет об изгнаннике, который в данный момент, возможно, пребывает именно в том городе, где происходит действие драмы.

В чем возможные преимущества этой датировки по сравнению с общепринятой? С одной стороны, она представляется исторически несколько более уместной: политические аллюзии связаны не с уже произошедшим в прошлом

или неким отдаленным и предугадываемым будущим, а с достаточно актуальным настоящим — только что случившимся уголовным расследованием, изгнанием признанного лидера, который на деле, а не гипотетически, проявлял, по крайней мере в глазах многих афинян, явную склонность к тираннии и был обвинен в нечестии и оскорблении богов. Более того, подразумеваемый в трагедии возможный «крах величия» Афин, о котором говорил Б. Нокс, в 414–413 гг. уже ощущается не как отдаленная возможность, но как угрожающая реальность: Сицилийская экспедиция не только грозит, но и оканчивается поражением. С другой стороны, параллели здесь не ограничиваются возможным совпадением конкретных деталей или произвольно выбранных мотивов (чума, инцест), но составляют собственно основу драматического сюжета (расследование преступления против богов). Как кажется, при таком взгляде возможна и историческая проекция главной черты трагедии, той ее амбивалентности, о которой мы говорили: ведь виновность Алкивиада в сознательном оскорблении богов далеко не всем была очевидной, а тот же Фукидид впоследствии считал его изгнание величайшим несчастьем для Афин (6.15). И, наконец, возникает своеобразный эффект «остранения»: речь идет не просто об Алкивиаде, но вообще о великом человеке, изгнаннике, способном принести и славу, и горе любому городу, в том числе и Фивам, в которых сейчас Алкивиад может находиться.

Конечно, я прекрасно сознаю, что все приведенные мною соображения в высшей степени гипотетичны и трудно доказуемы. Буду ли я настаивать на безусловной предпочтительности именно этой датировки[26]? Нет — и вот почему. Как я уже говорил, политические интерпретации «Эдипа-царя» так или иначе, но всегда будут проекцией самого текста трагедии, который не нуждается в однозначном политическом прочтении как единственном ключе к его правильному пониманию. И в этом смысле ответ на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи, должен быть скорее отрицательным. Темы величия, чреватого падением, и мудрости, оборачивающейся заблуждением, сопутствуют всем крупным политическим фигурам. Не случайно тот же Б. Нокс походя сравнил Эдипа с еще одним великим вождем Афин, Фемистоклом [Knox 1957: 73] — разумеется, не предполагая, что Софокл создавал своего героя по этому образцу. Вполне вероятно, что зрители «Эдипа-царя» одновременно видели в нем и Фемистокла, и Перикла, и Алкивиада, так же как и мы теперь можем соотносить его с политическими лидерами нового времени. Но все же греческая трагедия ставилась в конкретный год — и какие-то аллюзии в этот год были сильнее. Предложенная нами датировка пусть и не углубляет наше восприятие вневременного смысла великой Софокловой трагедии, но, возможно, уточняет то, как могли ее воспринимать — и оценивать — зрители в афинском театре. А это тоже немаловажно.

[26] Здесь уместно подчеркнуть, что при всей распространенности в научной литературе датировки «Эдипа-царя» 420-ми (реже — концом 430-х гг. до н. э.) реальные основания для нее достаточно шатки (о чем уже отчасти говорилось выше). Ср.: [Finglass 2011: 1–8; Kovacz 2014: 56–57].

Литература

Гринцер 2010 — *Гринцер Н. П.* В чем ошибся Эдип? // Вопросы классической филологии. Вып. 15: ΝΥΜΦΩΝ ΑΝΤΡΟΝ: Сб. ст. в честь Азы Алибековны Тахо-Годи / Отв. ред. А. И. Солопов. М.: Никея, 2010. С. 120–133.

Никольский 2014 — *Никольский Б. М.* Политический смысл и художественная структура «Андромахи» Еврипида // Вестник древней истории. 2014. № 4. С. 20–40.

Никольский 2016 — *Никольский Б. М.* Пропаганда войны в «Троянках» Еврипида // Вестник древней истории. 2016. № 2 (76). С. 286–314.

Суриков 1997 — *Суриков И. Е.* Перикл и Алкмеониды // Вестник древней истории. 1997. № 4. С. 14–36.

Ahl 2008 — *Ahl F.* Two faces of Oedipus: Sophocles' *Oedipus Tyrannus* and Seneca's *Oedipus*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2008.

Ahrensdorf 2009 — *Ahrensdorf P.* Greek tragedy and political philosophy: Rationalism and religion in Sophocles' Theban plays. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.

Badger 2013 — *Badger J.* Sophocles and the politics of tragedy: Cities and transcendence. New York: Routledge, 2013.

Bollack 1990 — L'Œdipe Roi de Sophocle. Le texte et ses interprétations / Comment., deuxième partie J. Bollack. Vol. 3. [Villeneuve d'Ascq, France]: Presses Universitaires de Lille, 1990.

Brandenburg 2005 — *Brandenburg P*. The second stasimon in Sophocles' *Oedipus Tyrannus* // L'antiquité classique. Vol. 74. No. 1. 2005. P. 29–40.

Brunt 1952 — *Brunt P. A.* Thucydides and Alcibiades // Revue des Études Grecques. Vol. 65. 1952. P. 59–96.

Budelmann 2000 — *Budelmann F.* The language of Sophocles: Communality, communication, and involvement. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

Carel 2006 — *Carel H. H.* Moral and epistemic ambiguity in *Oedipus Rex* // Janus Head. Vol. 9. No. 1. 2006. P. 97–115.

Carter 2007 — *Carter D. M.* The politics of Greek tragedy. Exeter: Bristol Phoenix Press, 2007.

Carter 2011 — Why Athens? A reappraisal of tragic politics / Ed. by D. M. Carter. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2011.

Dawe 1982 — Sophocles. Oedipus Rex / Ed. by R. Dawe. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982.

Edmunds 2002 — *Edmunds L.* Oedipus as tyrant in Sophocles' *Oedipus Tyrannus* // Syllecta Classica. Vol. 13. No. 1. P. 63–103.

Ehrenberg 1954 — *Ehrenberg V.* Sophocles and Pericles. Oxford: Blackwell, 1954.

Ellendt 1986 — *Ellendt F. T.* Lexicon Sophocleum. Hildesheim: Olms, 1986.

Euben 1986 — *Euben J. P.* Greek tragedy and political theory. Berkeley: Univ. of California Press, 1986.

Finglass 2011 — Sophocles. Ajax / Ed. by P. Finglass. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.

Finglass 2013 — *Finglass P.* [Review of Manuwald 2012] // Bryn Mawr Classical Review. 2013.05.16. URL: http://bmcr.brynmawr.edu/2013/2013-05-16.html.

Furley 1996 — *Furley W. D.* Andokides and the Herms: A study of crisis in fifth-century Athenian religion. London: Institute of Classical Studies, 1996 (Bulletin of the Institute of Classical Studies, Suppl.; 65).

Goldhill 1986 — *Goldhill S.* Reading Greek tragedy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

Gottesman 2012 — *Gottesman A*. [Review of Carter 2011] // Bryn Mawr Classical Review. 2012.08.53. URL: http://bmcr.brynmawr.edu/2012/2012-08-53.html.

Hamel 2012 — *Hamel D.* The mutilation of the Herms: Unpacking an ancient mystery. North Haven, CT: [CreateSpace], 2012.

Helfer 2017 — *Helfer A*. Socrates and Alcibiades: Plato's drama of political ambition and philosophy. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Hester 1977 — *Hester D. A.* Oedipus and Jonah // Proceedings of the Cambridge Philological Society. Vol. 23. 1977. P. 32–61.

Howland 1990 — *Howland J.* Socrates and Alcibiades: Eros, piety, and politics // Interpretation. Vol. 18. No. 1. 1990. P. 63–90.

Jebb 1885 — Sophocles. The Oedipus Tyrannus / Ed. by R. C. Jebb. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1885.

Johnson 2003 — *Johnson D*. Socrates and Alcibiades: Four texts. Indianapolis: Hackett, 2003.

Knox 1954 — *Knox B.* Why is Oedipus called 'tyrannos'? // Classical Journal. Vol. 50. 1954. P. 97–102.

Knox 1956 — *Knox B*. The date of the *Oedipus Tyrannus* of Sophocles // American Journal of Philology. Vol. 77. 1956. P. 133–147.

Knox 1957 — *Knox B.* Oedipus at Thebes. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1957.

Kovacz 2014 — *Kovacz D.* The end of Sophocles' *Oedipus Tyrannus*: The sceptical case restated // Journal of Hellenic Studies. Vol. 134. 2014. P. 56–65.

Lewis 1989 — *Lewis R*. The procedural basis of Sophocles' "Oedipus Tyrannus" // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 30. No. 1. 1989. P. 41–66.

Liapis 2012 — *Liapis V.* Oedipus Tyrannus // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Malden; Oxford: Blackwell, 2012. P. 84–97.

Lloyd-Jones, Wilson 1990 — *Lloyd-Jones H., Wilson N. G*. Sophoclea: Studies on the text of Sophocles. New York: Oxford Univ. Press, 1990.

Lurje 2004 — *Lurje M.* Die Suche nach der Schuld. Sophokles' *Oedipus Rex*, Aristoteles' *Poetik* und das Tragödienverständnis der Neuzeit. München: K. G. Sauer, 2004.

Manuwald 2012 — Sophokles. König Ödipus / Hrsg. B. Manuwald. Berlin; Boston: De Gruyter, 2012 (Griechische Dramen).

Mitchell-Boyask 2008 — *Mitchell-Boyask R.* Plague and the Athenian imagination: Drama, history, and the cult of Asclepius. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

Müller 1984 — *Müller C. W*. Zur Datierung des sophokleischen *Ödipus*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1984.

Newton 1980 — *Newton R. M* . Hippolytus and the dating of *Oedipus Tyrannus* // Greek, Roman and Byzantine Studies. Vol. 21. No. 1. 1980. P. 5–22.

Osborne 2012 — *Osborne R.* Sophocles and contemporary politics // A companion to Sophocles / Ed. by K. Ormand. Malden, Oxford: Blackwell, 2012. P. 270–286.

Peradotto 1992 — *Peradotto J*. Disauthorizing prophecy: The ideological mapping of *Oedipus Tyrannus* // Transactions of the American Philological Association. Vol. 122. P. 1–15.

Podlecki 1998 — *Podlecki A.* Perikles and his circle. London: Routledge, 1998.

Renaud, Tarrant 2015 — *Renaud F., Tarrant H.* The Platonic *Alcibiades I*: The dialogue and its ancient reception. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.

Scodel 1982 — *Scodel R.* Hybris in the second stasimon of the *Oedipus Rex* // Classical Philology. Vol. 77. No. 3. 1982. P. 214–223.

Segal 1995 — *Segal C.* Sophocles' tragic world: Divinity, nature, society. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1995.

Segal 2001 — *Segal C. Oedipus Tyrannus*: Tragic heroism and the limits of knowledge. New York: Oxford Univ. Press, 2001.

Sharpe 2015 — *Sharpe M.* Revaluing *megalopsychia*: Reflections on the *Alcibiades II* // Alcibiades and the Socratic Lover-Educator / Ed. by M. Johnson, H. Tarrant. Bristol: Bristol Classical Press, 2015. P. 134–146.

Stanford 1939 — *Stanford W. B.* Ambiguity in Greek literature. Oxford: Blackwell, 1939.

Taplin 1986 — *Taplin O.* Fifth-century tragedy and comedy: A "synkrisis" // Journal of Hellenic Studies. Vol. 106. 1986. P. 163–174.

Tracy 2009 — *Tracy S. V.* Pericles. A sourcebook and reader. Berkeley: Univ. of California Press, 2009.

Verdegem 2010 — *Verdegem S.* Plutarch's *Life of Alcibiades*. Story, text and moralism. Leuven: Leuven Univ. Press, 2010.

Vernant 1978 — *Vernant J.-P.* Ambiguity and reversal: On the enigmatic structure of "Oedipus Rex" // New Literary History. Vol. 9. No. 3. 1978. P. 475–501.

Vickers 2014 — *Vickers M.* Sophocles and Alcibiades: Athenian politics in ancient Greek literature. New York; London: Routledge, 2014.

Whitman 1951 — *Whitman C.* Sophocles: A study of heroic humanism. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1951.

Winnington-Ingram 1980 — *Winnington-Ingram R. P.* Sophocles: An interpretation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1980.

The political meaning of *Oedipus Tyrannus*: Do we need an answer to an eternal question?

Grintser, Nikolai P.
Doctor of Science in Philology
Director, School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 82
Tel.: + 7 (499) 956-96-47
E-mail: grintser@mail.ru

Abstract. The article explores current political interpretations of Sophocles' *Oedipus Tyrannus* that treat its main character either as a sort of embodiment of Athenian democracy (B. Knox), or as a personification of its renowned leader, Pericles (V. Ehrenberg). These interpretations lead to the commonly accepted dating of the tragedy to the 420s BC. Having demonstrated some problems (both literary and historical) arising from such an approach, the author tends to agree with a recent suggestion made by M. Vickers who argued that the Sophoclean Oedipus has some characteristics in common with another prominent Athenian political leader, Alcibiades. The article contains several additional arguments supporting this idea (in particular, resulting from an analysis of the pseudo-Platonic dialogue *Alcibiades Minor*). However, contrary to Vickers, the author believes that such an understanding compels us to date the play to the 410s, perceiving in it allusions to the famous trial on the 'mutilation of the herms' and to Alcibiades' exile, during which he spent some time at Thebes. Although this interpretation doesn't claim to make our comprehension of the

eternal meaning of Sophocles' *Oedipus* much more profound, it still might give a more adequate insight into the ways the play was received and evaluated by the Athenian audience.

Keywords: tragedy, Athens, Sophocles, Oedipus, Pericles, Alcibiades, literature and politics

References

Ahl, F. (2008). *Two faces of Oedipus: Sophocles' Oedipus Tyrannus and Seneca's Oedipus*. Ithaca: Cornell Univ. Press.

Ahrensdorf, P. (2009). *Greek tragedy and political philosophy: Rationalism and religion in Sophocles' Theban plays*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Badger, J. (2013). *Sophocles and the politics of tragedy: Cities and transcendence*. New York: Routledge.

Bollack, J. (Ed.) (1990). *L'Œdipe Roi de Sophocle. Le texte et ses interprétations* (Vol. 3). [Villeneuve d'Ascq, France]: Presses Universitaires de Lille. (In French).

Brandenburg, P. (2005). The second stasimon in Sophocles' *Oedipus Tyrannus*. *L'antiquité classique, 74*(1), 29–40.

Brunt, P. A. (1952). Thucydides and Alcibiades. *Revue des Études Grecques, 65*, 59–96.

Budelmann, F. (2000). *The language of Sophocles: Communality, communication, and involvement*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Carel, H. H. (2007). Moral and epistemic ambiguity in *Oedipus Rex*. *Janus Head, 9*(1), 97–115.

Carter, D. M. (2007). *The politics of Greek tragedy*. Exeter: Bristol Phoenix Press

Carter, D. M. (Ed.). (2011). *Why Athens? A reappraisal of tragic politics*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press.

Dawe, R. (Ed.) (1982). *Sophocles. Oedipus Rex*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Edmunds, L. (2002). Oedipus as tyrant in Sophocles' *Oedipus Tyrannus*. *Syllecta Classica, 13*(1), 63–103.

Ehrenberg, V. (1954). *Sophocles and Pericles*. Oxford: Blackwell.

Ellendt, F.T. (1986). *Lexicon Sophocleum*. Hildesheim: Olms.

Euben, J. P. (1986). *Greek tragedy and political theory*. Berkeley: Univ. of California Press.

Finglass P. (Ed.) (2011). *Sophocles. Ajax*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Finglass, P. (2013). [Review of Manuwald 2012]. *Bryn Mawr Classical Review, 2013.05.16*. Retrieved from http://bmcr.brynmawr.edu/2013/2013-05-16.html.

Furley, W. D. (1996). *Andokides and the herms: A study of crisis in fifth-century Athenian religion.* London: Institute of Classical Studies. (Bulletin of the Institute of Classical Studies, Suppl., 65).

Goldhill, S. (1986). *Reading Greek tragedy*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Gottesman, A. (2012). [Review of Carter 2011]. *Bryn Mawr Classical Review, 2012.08.53*. Retrieved from http://bmcr.brynmawr.edu/2012/2012-08-53.html.

Grintser, N. P. (2010). V chem oshibsia Edip? [What was Oedipus' mistake?] In A. I. Solopov (Ed.). *Voprosy klassicheskoi filologii* [Problems of classical philology] (Vol. 15: ΝΥΜΦΩΝ ANTPON: Sbornik statei v chest' Azy Alibekovny Takho-Godi [ΝΥΜΦΩΝ ANTPON: Collection of articles in honor of A. A. Takho-Godi]), 120–133. Moscow: Nikeia. (In Russian).

Hamel, D. (2012). *The mutilation of the Herms: Unpacking an ancient mystery*. North Haven, CT: [CreateSpace].

Helfer, A. (2017). *Socrates and Alcibiades: Plato's drama of political ambition and philosophy*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Hester, D. A. (1977). Oedipus and Jonah. *Proceedings of the Cambridge Philological Society, 23*, 32–61.

Howland, J. (1990). Socrates and Alcibiades: Eros, piety, and politics. *Interpretation, 18*(1), 63–90.

Jebb, R. C. (Ed.) (1885). *Sophocles*. *The Oedipus Tyrannus*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Johnson, D. (2003). *Socrates and Alcibiades: Four texts*. Indianapolis: Hackett.

Knox, B. (1954). Why is Oedipus called 'tyrannos'? *Classical Journal, 50*, 97–102.

Knox, B. (1956). The date of the *Oedipus Tyrannus* of Sophocles. *American Journal of Philology 77*, 133–147.

Knox, B. (1957). *Oedipus at Thebes*. New Haven; London: Yale Univ. Press.

Kovacz, D. (2014). The end of Sophocles' *Oedipus Tyrannus*: The sceptical case restated. *Journal of Hellenic Studies, 134*, 56–65.

Lewis, R. (1989). The procedural basis of Sophocles' "Oedipus Tyrannus". *Greek, Roman and Byzantine Studies, 30*(1), 41–66.

Liapis, V. (2012). Oedipus Tyrannus. In: K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 84–97. Malden; Oxford: Blackwell.

Lloyd-Jones, H., Wilson, N. G. (1990). *Sophoclea: Studies on the text of Sophocles*. New York: Oxford Univ. Press.

Lurje, M. (2004). *Die Suche nach der Schuld. Sophokles' Oedipus Rex, Aristoteles' Poetik und das Tragödienverständnis der Neuzeit*. München: K. G. Sauer. (In German).

Manuwald, B. (Ed.). *Sophokles. König Ödipus*. Berlin; Boston: De Gruyter. (Griechische Dramen). (In German).

Mitchell-Boyask, R. (2008). *Plague and the Athenian imagination: Drama, history, and the cult of Asclepius*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Müller, C. W. (1984). *Zur Datierung des sophokleischen Ödipus*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. (In German).

Newton R. M (1980). Hippolytus and the dating of *Oedipus Tyrannus*. *Greek, Roman and Byzantine Studies, 21*(1), 5–22.

Nikolskii, B. M. (2014). Politicheskii smysl i khudozhestvennaia struktura "Andromakhi" Evripida [Political meaning and poetical structure of Euripides' *Andromache*]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]*, 2014*(4), 20–40. (In Russian).

Nikolskii, B. M. (2016). Propaganda voiny v "Troiankakh" Evripida [War propaganda in Euripides' *Trojan Women*]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]*, 2016*(2 (=76)), 286–314. (In Russian).

Osborne, R. (2012). Sophocles and contemporary politics. In K. Ormand (Ed.). *A companion to Sophocles*, 270–286. Malden; Oxford: Blackwell.

Peradotto, J. (1992). Disauthorizing prophecy: The ideological mapping of Oedipus Tyrannus. *Transactions of the American Philological Association, 122*, 1–15.

Podlecki, A. (1998). *Perikles and his circle*. London: Routledge.

Renaud, F., Tarrant, H. (2015). *The Platonic Alcibiades I: The dialogue and its ancient reception*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Scodel, R. (1982). Hybris in the second stasimon of the Oedipus Rex. *Classical Philology, 77*(3), 214–223.

Segal, C. (1995). *Sophocles' tragic world: Divinity, nature, society*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Segal, C. (2001). *Oedipus Tyrannus: Tragic heroism and the limits of knowledge*. New York: Oxford Univ. Press.

Sharpe, M. (2015). Revaluing *megalopsychia*: Reflections on the *Alcibiades II*. In M. Johnson, H. Tarrant (Eds.). *Alcibiades and the Socratic lover-educator*, 134–146. Bristol: Bristol Classical Press.

Stanford, W. B. (1939). *Ambiguity in Greek literature*. Oxford: Blackwell.

Surikov, I. E. (1997). Perikl i Alkmeonidy [Pericles and the Alcmaeonids]. *Vestnik drevnei istorii* [Journal of Ancient History]*, 1997*(4), 14–36. (In Russian).

Taplin, O. (1986). Fifth-century tragedy and comedy: A "synkrisis". *Journal of Hellenic Studies, 106*, 163–174.

Tracy, S. V. (2009). *Pericles. A sourcebook and reader*. Berkeley: Univ. of California Press.

Verdegem, S. (2010). *Plutarch's Life of Alcibiades. Story, text and moralism*. Leuven: Leuven Univ. Press.

Vernant J.-P. (1978). Ambiguity and reversal: On the enigmatic structure of "Oedipus Rex". *New Literary History, 9*(3), 475–501.

Vickers, M. (2014). *Sophocles and Alcibiades: Athenian politics in ancient Greek literature*. New York; London: Routledge.

Whitman, C. (1951). *Sophocles: A study of heroic humanism*. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press.

Winnington-Ingram, R. P. (1980). *Sophocles: An interpretation*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

To cite this article:

Grintser, N. P. (2017). Politicheskii smysl "Edipa-tsaria": nuzhen li otvet na vechnyi vopros? [The political meaning of *Oedipus Tyrannus*: Do we need an answer to an eternal question?]. *Shagi / Steps, 3*(4), 76–92. (In Russian).

Received October 1, 2017